

КРОКОДИЛ

№ 28 октябрь 1937

МОСКВА 1937

16
История
с
географией

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦИЯ

Здравствуйтесь, дорогие читатели!

Вы знаете, что такое история? Знаете? Ну, так мы и знали. Очень приятно. Это тем более приятно, что многие историки и имели о предмете своей науки далеко не ясное представление.

Они рассуждали так: раз буржуазные историки возвеличили роль личности в истории, значит, нам надлежит низвести роль личности до нуля. Буржуазные историки все внимание уделяли историческим личностям, значит, нам нужно ликвидировать самое упоминание о них. Нет, мол, людей в истории, есть только одни сплошные производительные силы и производственные отношения. Прежние-де историки восхваляли прошлое русского народа. Значит, мы, «пролетарские», должны всячески доказывать прямо обратное невзирая на неопровержимые исторические факты.

И получалось у них, что огромный безликий торговый капитал боролся с огромным и безликим деградирующим боярством, а где-то сбоку моталась историческая пешка — Петр I; что Лжедмитрий был вождем народных масс, а Минина с Пожарским надлежало как можно скорее и с наибольшей тщательностью вымазать дегтем, а, учинив сие, брезгливо выбросить за борт истории народов СССР.

Нам вспоминается чудесный краснощекий синеглазый мальчик. Он стоял у классной доски и мужественно ждал вопросов со стороны учителя. Это был очень старательный мальчик, отличник.

— Воробьев, — обратился к нему учитель, — скажи, кто такой был Петр I?

— Продукт и послушное орудие.

— А точнее?

— Продукт и послушное орудие торгового капитала.

— Правильно. А Екатерина II?

— Продукт и послушное орудие дворянства.

— Правильно. А генерал Кутузов?

— Продукт и выразитель интересов дворянства.

— Правильно. А адмирал Нахимов?

— Послушное ор...

Бедный, бедный ученик Воробьев! Оказывается, все сплошь в нашей истории были только продуктами и выразителями. Нам вас очень жалко, бедный ученик Воробьев. Вам морочили голову скучными, вредными, пресными и противными выжимками из замечательной, интереснейшей науки — истории. Вы осматривались, милый Воробьев, на всю историю нашей родины, и вам показывали эти горе-историки школы Покровского серую, лишённую света и красок, безжизненную и искажённую картину.

Вы, юный наш товарищ, как и все ваши друзья и товарищи, любите нашу родину и готовы драться за нее, но меньше всего в этом виноваты прежние составители учебников истории.

Ну, разумеется, такие упражнения не могли заменить историю. И вот партия потребовала, чтобы история была историей. Выражаясь старинным языком, на наших глазах восстает ото сна прежде поправная в своих правах муза Клио... Я говорю: Клио. Запишите, товарищ читатель: муза истории у древних греков называлась Клио. Запишите: это вам пригодится.

Так вот в эти дни восстает ото сна муза Клио. С книгой профессора Шестакова подмышкой входит она в наши школы. И все юные и взрослые читатели этой книги, созданной под руководством нашей партии, с удовлетворением видят, что и у нас в стране совершенно своевременно возникли государственность, культура и науки; что были у нас на всем протяжении истории нашей родины и настоящие государственные деятели и талантливые полководцы, выдающиеся ученые, писатели, художники, артисты, музыканты и что народы нашей родины неоднократно и жестоко били тех незваных гостей, которые пытались со своим свиным рылом лезть в наш огород...

Еще одну минуточку, товарищи читатели. Вы еще успеете просмотреть рисунки на соседних страницах, успеете прочитать помещенные на них фельетоны и рассказы, а сейчас всего только несколько слов о другой науке — о географии.

У нас народ теперь, если хотите, даже избаловался, в смысле географии. Разворачивает иной читатель газету и огорчается:

— Чорт знает что такое! Второй день в газетах нет сообщений о каких-нибудь новых залежах полезных ископаемых. Что же экспедиции делают, позвольте вас спросить?

Но с другой стороны, иной читатель серьезно убежден, что Красноярск находится несравнимо севернее Москвы и что раз на Северном полюсе очень холодно, то на Южном стоит нестерпимая жара. И так далее и тому подобное.

Вот совсем недавно все читали в газетах список избирательных округов для предстоящих выборов в Верховный Совет. Прочитайте внимательно этот огромный список, и вы не только вновь убедитесь, как велика и необъятна наша замечательная социалистическая родина, но и что вы не так уж крепки в знании ее географии.

А даже самый поверхностный взгляд, брошенный на обыкновенный школьный глобус, докажет многим из нас, что предстоит еще не мало поработать над изучением того, что представляет на данном отрезке времени то небесное тело, которое мы условно называем «нашей планетой», или, более фамиллярно, — Землей.

Вот оно и выходит: история дополняется географией или, как сказано у нас на обложке, история с географией.

Понятно?.. Теперь, товарищи читатели, вы можете просматривать и перелистывать весь этот номер нашего журнала. Лекция закончена.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ

Володя Конюхов, ученик 4-го класса, сидел за обеденным столом у себя дома и показывал деду Никите Георгиевичу новенький учебник истории, только сегодня утром полученный им в школе.

— Это кремлевская башня на обложке нарисована,— гордо говорил деду Володя Конюхов. — Мы, дед, уже начали учиться по этой книжке. Сегодня учитель объяснял про первобытных людей. Они питались кореньями и мясом убитых мамонтов. Очень интересно!

— Ну-ка обожди со своими мамонтами,— сказал дед Никита Георгиевич,— эта книжка и впрямь интересная. Тут про все, по-моему, должно быть рассказано. Дай посмотрю, про меня есть или нет?

— В первобытных людях про тебя, дедушка, нет,— заявил ученик 4-го класса.

Дед обиделся.

— Что ты мелешь-то, ученик. Дай сюда книжку, тебе говорят! Я сам про себя найду.

— Давай вместе искать, дедушка.

— Ну, давай... мамонт первобытный!

Дед и внук стали вместе перелистывать учебник истории.

«В конце IX века в Новгороде,— читал Володя Конюхов,— как рассказано в старинных записях, был князь из варягов, Рюрик. Покоренные им славяне платили ему дань...»

— Здесь про тебя тоже нет, дедушка.

— Куда же ты к Рюрику залез? Дальше листай!

Володя Конюхов перевернул сразу пятьдесят страниц и снова прочел нараспев:

«Шведский король Карл XII, используя измену украинского гетмана Мазепы, через Польшу вторгся со своей армией на Украину. В 1709 году под Полтавой сошлись шведы и русские».

— Здесь про тебя тоже не написано, дедушка.

— Дай-ка я сам про себя найду,— сказал дед Никита Георгиевич и, нацепив на нос очки, стал быстро перелистывать учебник истории.

— Вот оно, про меня! — торжественно сказал он. — Читай, ученик.

Володя Конюхов, покорно следуя за дедовым пальцем, прочел вслух:

«В начале января 1905 года забастовал в Петербурге большой Путиловский завод (теперь Кировский завод). Вскоре в Петербурге началась всеобщая стачка. На заводах шли бурные сходки и собрания. Рабочие искали выхода из своего бедственного и бесправного положения...»

— Разве это про тебя, дед?

— А то про кого же? Акурат в начале января мы забастовали, как сейчас помню Дали тревожный гудок и бросили работу...

Ученик 4-го класса с уважением посмотрел на деда, про которого написано даже в учебнике истории, но тут в комнату вошел отец Володи Конюхова — Георгий Никитич — и весело сказал:

— Старый и малый сошлись! О чем речь идет?

— Папа, знаешь что,— захлебываясь от восторга, сообщил ученик 4-го класса,— мы, оказывается, дедушку будем по истории проходить. Он, оказывается, исторический. Вон, смотри, что про него написано.

И он прочел Георгию Никитичу про забастовку путиловцев, в которой участвовал Никита Георгиевич.

Улыбнувшись, Георгий Никитич сказал:

— Дай-ка сюда эту книжечку. Там, наверное, и про меня кое-что написано.

Отец Володи Конюхова перевернул еще пятьдесят страниц, поводит глазами по четким строчкам крупного набора и под самым портретом Буденного нашел то, что искал.

— Есть и про меня,— сказал он, подмигивая деду Никите Георгиевичу. — На, Володька, читай.

Володя Конюхов прочел:

«В зимнюю вьюгу, в гололедицу полки красноармейцев и конница Буденного продолжали почти безостановочно гнать белых все дальше и дальше, к Черному морю...»

— Правильно, папа! Ты мне сам рассказывал про войну и про Буденного. Вот здорово! Значит, мне придется, оказывается, и про дедушку и про тебя учить!

— Да уж придется, поскольку твои родители такие исторические личности.

— Может, и про меня в истории что-нибудь написано? — помолчав, робко сказал ученик 4-го класса.

— А ты поищи. Может, и найдешь. В самом конце книжки смотри, потому что в середину уже мы с дедом забрались.

Володя Конюхов отошел в уголок и, сопя, стал читать книжку по истории с конца. Читал он ее долго и без особенного успеха. Но вдруг, подскочив, ученик 4-го класса захлопал в ладоши и закричал:

— Есть! Нашел! Папа, дедушка, глядите, про меня тоже написано. Вот это уж здорово, так здорово!

И он прочел, торжествуя:

«Во всех учебных заведениях обучение в СССР бесплатное и многих учащихся государство обеспечивает во время учебы. В СССР заботятся о каждом человеке со дня его рождения до глубокой старости. Детям обеспечиваются ясли, детские сады...»

— Папа, это же прямо про меня сказано. В детском саду я был — это раз, в лагерь летом бесплатно ездил — это два...

— Выходит, что ты, Володька, — тоже историческая личность,— сказал Георгий Никитич.

— Какая он там личность,— проворчал дедушка Никита Георгиевич. — Мамонт он первобытный, вот это. Деда сегодня, шутка сказать, в IX веке, при Рюрике, вздумал искать!

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ИНТЕРВЬЮ С МОРЕХОДАМИ

Глеб сел за уроки. С досадой зевает: «Широты? Опять география... Ох!..» Но вот зачитался. И вот оживает Учебник, и слышится шарканье ног; И темь наполняется странным народом;

Глеб видит плечо чье-то, перевязь, ус;

В тяжелых ботфортах встают мореходы, С косичкой при шпаге идет Ла-Перуз. Он шепчет, подняв укоризненно плечи:

«Широты ругаешь ты зря, милый друг;

За каждым штришком, что на карте помечен, Мы лазили в дебри — и Стенли и Кук;

А вон Марко Поло... Всю Азию знает...»

Но гость из Венеции шляпой трясет: «Я лишь познакомил Европу с Китаем.

Я был только вежлив. Любезность — и все».

Погоны, мундир, перетянутый туго: Челюскин! Он хмурится в мрак снеговой.

И Шмидт, с бороною, что вьется, как вьюга,

С советских снегов ему машет рукой...

Глеб слышит, как все они шепчут: «Пока что

Твой путь через книжки лежит. Он не скор.

Он труден, как наши. Пока что задача —

Прочешь свой урок и ответить на «хор».

Но годы плывут ведь. И, брызгая пеной,

Пришлет океан тебе шумный привет. Ты сам — пионер. Пионер — значит

первый, Ты тоже идешь открывать Новый свет».

Все тихо. За стеклами ветер и мокро. Глеб молча сидит. Он слегка по-

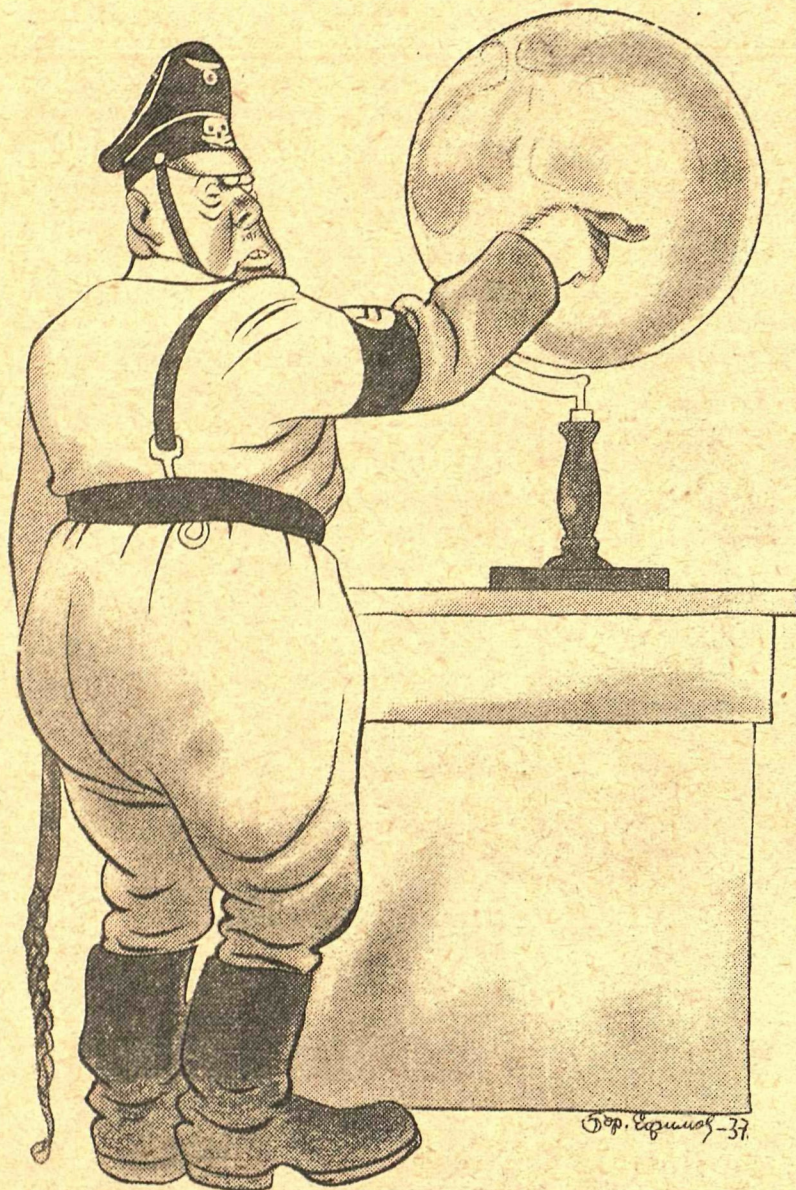
бледнел...

И пенится даль и отходит за окна, И видно как вьются флажки

каравел... Г. ПОМЕРАНЦЕВ

МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ ГЛОБУС

Рис. Бор. Ефимова

— Восток—это земли, которые мы хотим завоевать. Запад—пространство, которое мы хотим захватить. Север—территории, которые мы хотим отнять. И юг—места, которые мы хотим присоединить.

ЕЗДОВОЙ БИДЕНКО И ГЛАВКОВЕРХ КЕРЕНСКИЙ

(ИЗ ПОВЕСТИ «Я СЫН ТРУДОВОГО НАРОДА»)

Весна 1917 года прошла в дурмане. Наступало лето. Измученные солдаты с минуты на минуту ожидали мира. Вместо этого Керенский объявил о наступлении. Маршевые роты с развернутыми красными знаменами прибывали из запасных частей на фронт.

Опять появились комиссары Временного правительства. Теперь это были патлатые крикуны в пенсне и крагах, с морскими кортиками вместо шашек, увешанные биноклями и полевыми сумками. Их сопровождали вольноопределяющиеся батальонов смерти с черепами на рукавах.

Они пробирались в окопы по ходам сообщения, кланяясь шальным пулям, задевая плечами углы и поднимая страшную пыль.

В то лето батарея стояла в Румынии, за Яссами, под высотой 1001. День и ночь по узкоколейке катились вагонетки

с огнеприпасами. В склоне горы были вырыты погреба, тесно заставленные ящиками с французскими тротильными гранатами и зажигательными бомбами. Саперы бетонировали площадки для дальнобойных орудий Виккерса. В пехотных окопах минометы устанавливались сотнями.

Зной жег перекопанную землю.

В дивизию приезжал сам Керенский. По-штатскому сутулый,— висячий нос бульбой— в суконном английском картузе с отстегнутым козырьком, с больной рукой в замшевой перчатке, прижатой к нагрудному карману френча, он стоял в штабном автомобиле, окруженный любопытными солдатами. Глубоко разевая бритый рот, он сипло кричал на них, именем свободы и революции требуя наступать.

Он кричал, по крайней мере, полчаса. Солдаты молча слушали. Некоторые устали стоять и сели на землю.

Во время длинной паузы, когда Керенский, опираясь здоровой рукой о красный погон шофера, обводил слушателей медленным взглядом, полным непреклонной воли и вдохновения, вдруг раздался хотя смущенный, но вместе с тем довольно бойкий голос, произнесший тульским говорком:

— В роте спрашивают: замиренье-то скоро выйдет? А то домой надо.

Керенский быстро оборотился и увидел коротенького пехотинца в не по голове большом французском шлеме, из-под которого торчали загнутые детские уши, черные от румынской пыли снаружи и особенно внутри. Он смиренно сидел по-турецки в первом ряду на выгоревшей травке.

— Молотить,— объяснил он.

В толпе раздался смешок. Зацыкали.

— Ничего нет смешного,— сказал кто-то ворчливо.— Все интересуются. Молотить надо.

А пехотинец продолжал сидеть как ни в чем не бывало и, задрав замурзанное лицо, простосердечно смотрел на главковерха, жмурясь от солнца.

— Товарищи солдаты!— очнувшись закричал Керенский.— Свободные граждане! Братья! Революция дала вам крылья. История вложила в вашу руку меч. Вы победите. Но среди вас есть предатели, для которых личное благополучие дороже великих идеалов свободы. Вот один из них!

Главковерх раздраженным жестом протянул здоровую руку к пехотинцу, который уже не рад был, что ввязался в разговор с начальством.

— Вот один из этих предателей. Скажите мне сами: что сделать с этим человеком? Предать революционному суду? Расстрелять на месте как изменника?

Солдаты молчали, чувствуя неловкость.

Керенский повернулся и посмотрел в упор на пехотинца.

— Ступайте,— крикнул он вдруг, делая трагический жест.

— Никак нет,— жалобно проговорил солдатик, вставая и складывая руки лодочками по швам.

— А я приказываю именем революции: ступайте. Ступайте домой. Я лишаю вас звания солдата русской армии. Вы свободны.

Пехотинец топтался с ноги на ногу, растерянно вертя головой по сторонам. А главковерх уже опять обводил митинг пронзительным взглядом.

— Может быть, здесь есть еще трусы? В таком случае пусть они все уходят домой. Они свободны. Мы с презрением отворачиваемся от них. Революции ненужны предатели. Уходите же!

И тут произошло нечто до такой степени неожиданное, что Семен долго потом не мог очухаться. Рядом с ним стоял той же батареи немолодой канонир Биденко, ничем не замечательный, многосемейный, малограмотный, молчаливый ездовой. Во все время, пока Керенский митинговал, лицо его было мучительно сморщено как у больного. Вместе с тем он жадно прислушивался к каждому слову. Было похоже, что он несколько раз порывается что-то сказать. Когда же Керенский произнес последние слова: «Революции ненужны предатели. Уходите же!»— и сделал паузу, Биденко вдруг застонал, странно оскалился, плюнул и, сказав довольно громко: «А нехай они все с тою войною идут в зад»,— как был в стеганной телогрейке и с недоуздом в руке, повернулся и ушел пешком с позиции домой в Херсонскую губернию.

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

ГЕРОДОТ:—Я отец истории и не позволю вам, господа фашисты, бесчестить ее!..

ХРИСТОФОР КОЛУМБ:—Ничего, мальчик, не огорчайся: мне тоже приходилось изучать мир без карт...

ДВЕ ГЕОГРАФИИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Старик Голубев—седой гражданин, лет 63. Бывший присяжный поверенный.

Андрей Голубев—его внук. Студент.

Павлов } Студенты. Товарищи
Карпов } Андрея.

Действие происходит в нынешнем году. Квартира Голубевых. Старик сидит в углу, в кресле, перелистывает какой-то альбом и прислушивается к разговору молодежи. За большим столом сидят Андрей и его товарищи.

Карпов. Значит, так, товарищи? Мы должны к вечеру составить подробный список, кто куда едет на зимнюю практику. Это—задание профкома, срочное задание...

Андрей. Товарищ оратор, ваше время истекло минут двадцать назад.

Карпов. Для этой цели каждый из нас должен серьезно и вдумчиво...

Павлов. Пора закругляться, достопочтенный сэр. Пиши, Голубев. Первым у нас в списке едет Пеньков. Он куда едет?

Андрей. В Тамбов. На машиностроение.

Старик (про себя). Тамбов. Хороший городишко... «Тамбов на карте генеральной кружкой отмечен не всегда». Это, небось, Лермонтов сказал. В Тамбове в 1912 году был прокурором Скаржинский. Нечист был на руку, подлец, но здорово играл в вист...

Карпов. Оськин хочет в Караганду, на нефть.

Старик (про себя). Караганда? Какое странное слово. Караганда. Не помню. Понятия не имею. Интересно, кто там был председателем судебной палаты?

Павлов. Кузьмин едет в Саратов, на завод комбайнов.

Старик (про себя). Саратов— вот это город! Боже ты мой, какие там были растегаи в буфете на пристани! Пропустишь натошак рюмочку померанцевой, закусишь растегайчиком и «выйдь на Волгу, чей стон раздастся...» Славный город! Помнится, полицмейстер там коклюшем заболел, так еще стишки были:

«Полицмейстер заболел
Вдруг болезнью детской

И, как водится, взревел
Глоткой молодецкой...»

Андрей. Хромченко. Запиши его в Эмбанефть. А Черняка—в Ишимбаево—на нефть.

Старик (про себя). Всю Россию изездил, а таких мест не припомню. И откуда этой нефти столько появилось? Что касается нефти, то я помню только Манташева. В 1910 году я вел его дело... Величайших денег человек!..

Павлов. Следующим в списке Поляков. Его бы в самый раз в Ростов-Ярославский, в школу механизации.

Старик (про себя). Знаю. Славится памятниками древности. Фрески XII столетия. А кормят плохо. Очень даже плохо!..

Карпов. Бородулина хочет в Рыбинск—на судостроение.

Старик (про себя). Паршивый городишко, этот Рыбинск. Но зато у Прасолова в трактире такая паровая стерлядь была! Этот мошенник на паровой стерляди капитал нажил...

Андрей. Раскин, думаю, охотно поедет в Комсомольск.

Старик (про себя). Не припомню. Слабоват стал на память. Интересно, кто там был уездным исправником?

Карпов. Куда Ступина деть? Помоему, в Осташков, на кожевенный завод.

Старик (про себя). Помню, помню. Красивейшие места. Озеро Селигер, утки. В 1906 году выезжал туда на защиту крестьян, выступивших против помещика. Помещик был рыжий с веснушками. Прекрасную речь я тогда сказал. В публике плакали. Крестьян засудили.

Павлов. Кого бы в Смоленск, на новый льнокомбинат? А что если Синичкину?

Старик (про себя). По дороге в Смоленск—Вязьма. Знаменитые пряники. А в самом Смоленске я осматривал городские стены, поврежденные войсками Наполеона.

Карпов. Думаю, что Синичкину лучше послать в Ковров, на завод экскаваторов.

Старик (про себя). В 1914 году я с выездной сессией бывал в Коврове. Судили за кражу купца Титова, председателя городской управы. Он, бестия, целую улицу вместе с домом свистнул. Оправдали.

Андрей. Синичкина просилась в Челябинск, на тракторный.

Старик (про себя). Челябинск! Как теперь помню, в 1907 году у меня там в купеческом клубе свистнули бумажник с деньгами.

Павлов. Кравчука, думаю, или на Хапезе или на Хатезе¹.

Старик (про себя). Хапезе, Хатезе? Не помню. Кажется, там ни разу не бывал. Глушь, наверно.

Карпов. А Белкина—на Эстезе².

Старик (про себя). И в Эстезе не бывал. Интересно, какой это губернии?

Андрей. Хорошо. И Кравчука и Белкина, значит, в Харьков.

Старик (про себя). Харьков знаю.

¹ Харьковский паровозный завод; Харьковский тракторный завод.

² Сталинградский тракторный завод.

Рис. Л. Сойфертиса

— Что вы можете рассказать о Спартаке?
 — Защита хорошая, нападение слабое, а Серафим Знаменский—лучший стайер страны.

Там когда-то в городском саду певички были отменные. А поросенка с хреном какой подавали в буфете! В последний раз я был там в связи с рабочей демонстрацией: в судебной палате дело слушалось. Один подсудимый—эдек-большевик—речь говорил... Помнится, председатель его восемь раз останавливал, а он ему: «Рта не заткнете!» Так и договорил до конца.

Карпов. Поскольку курносый Кравчук едет в Харьков, у меня имеется конкретное предложение.

Андрей. Если сможешь уложить свое предложение не больше чем в пятнадцать минут, говори.

Карпов. Поскольку нами благополучно решена участь Кравчука, предлагаю сделать краткий перерыв, во время которого нашему уважаемому хозяину предоставляется счастливая возможность угостить нас чаем.

Андрей. Предложение принимается. Прошу уважаемых членов комиссии перейти в следующую комнату.

(Все трое уходят. Старик подымается,

подходит к столу, долго и сосредоточенно разглядывает оставленный студентами список).

Старик. Караганда... Эмба... Комсомольск... Комбайны... Самолеты... Хлебозаводы... Эскаваторы... Я когда-то знал

хорошо Россию. Но такой я ее не знал. (Пауза). Новые люди творят новую историю. Новая история создает новую географию. Попрошу Андрея взять меня с собой на Хатезе или Хапезе.

Г. РЫКЛИН

РАССУДИТЕЛЬНЫЙ РАЗУМОВСКИЙ

В 1770 году, когда знаменитый церковный вития Платон, сказывая в Петропавловском соборе в присутствии императрицы Елизаветы Петровны и двора проповедь по поводу Чесменской победы театрально сошел с амвона и, ударяя посохом по гробнице Петра Великого, призывал его восстать и возреть на свое любезное изобретение, на флот, граф Кирилл Разумовский, брат фаворита, среди общего восторга, вызванного словами Платона, добродушно шепнул окружающим: «Чего он его кличет? Если он встанет, нам всем достанется».

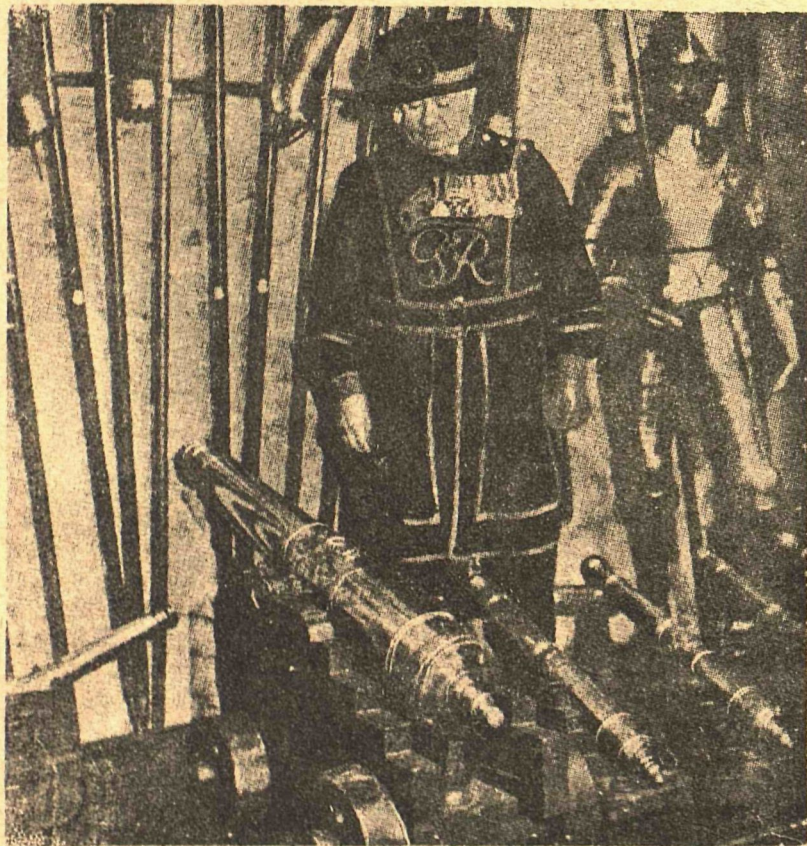
НА СУШЕ И НА МОРЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА

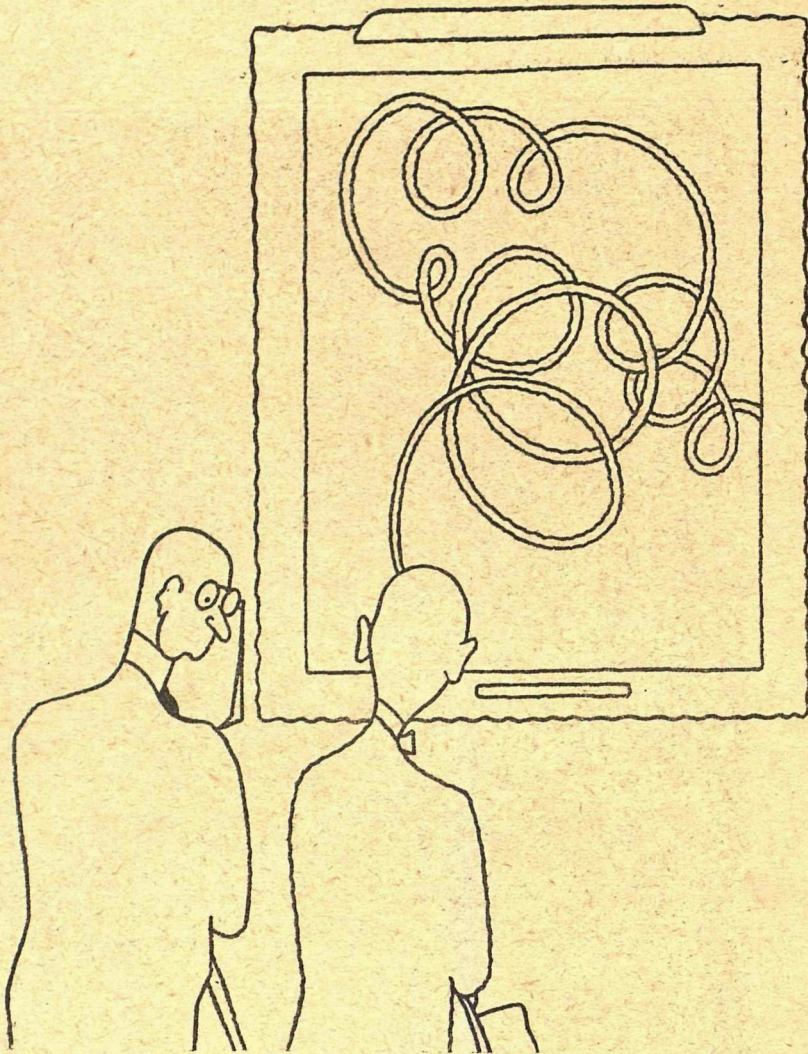
Так выглядел Шанхай до того, как японская военщина решила во что бы то ни стало, не жалея человеческих жизней, «подружиться» с китайским народом.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУШКА

Эта интересная медная пушка была в свое время (XVII век) на вооружении английского фрегата «Владычица морей» («Sovereign of the Seas») и не раз изрыгала ядра в боях с тогдашними пиратами. Сейчас она перенесена в музей при Лондонском Туэре лордами Адмиралтейства, один из которых снят около пушки в глубоком раздумье. Не размышляет ли он о том, что сейчас куда более мощные пушки на несомненно больших чем «Владычица морей» английских кораблях мирно спят под чехлами несмотря на неслыханное пиратство, царящее на многих морях.

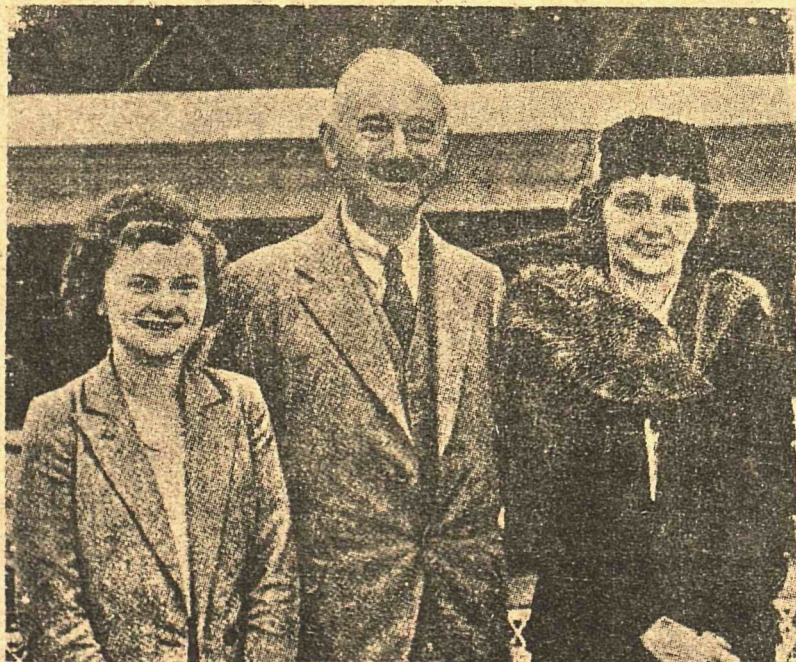
АНАЛОГИЯ НАПРАШИВАЕТСЯ

На художественной выставке.
— Мне, сэр, эта картина больше всего напоминает британскую внешнюю политику.

(Рисунок американского художника Гарднера Ри).

ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

На снимке: английский посол в Китае, снятый вместе со своей женой и одной из дочерей незадолго до его тяжелого ранения японским истребителем. Это, насколько нам известно, единственный посол Британской империи, за тяжелое и преднамеренное ранение которого правительство удовольствовалось запоздалым и мало-вразумительным извинением.

ВЕТЕР СИЛЫ 1937 ГОДА

Фотомонтаж Джона Гартфильда

„Я не постесняюсь ввести хлебные карточки. Понравится ли это народу или не понравится, — на это мне наплевать!“

Из речи генерала Геринга в Штутгарте

Хлебные и жировые карточки — ненадежные паруса для тяжелогруженого корабля „третьей империи“.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

Иллюстрации Ю. Ганфа

Как пишутся исторические романы?

Было бы несправедливо в специальном номере не откликнуться на этот вопрос. И мы откликаемся.

Прежде всего надо отметить, что в настоящее время исторические романы у нас пишут три категории авторов: 1) почвенники, 2) стилисты и 3) халтурщики.

Возьмем в качестве образца исторический факт, послуживший художнику Репину сюжетом для его знаменитой картины «Царь Иван Васильевич Грозный убивает своего сына царевича Ивана», и посмотрим, что бы сделали с таким эпизодом автор-почвенник, автор-стилист и просто халтурщик.

1. ПОЧВЕННИКИ

Авторы-почвенники (они же кондовы, подоплечные, изюжные, русопятые и прочие авторы) отличаются такою манерой письма, что их произведения не могут быть переведены ни на один язык мира: до того все это местно, туземно, подоплечно, русопятно. Например:

«Царь перстами пошарил в ендове: не обыцется ли еще кус рыбины? Но пусто уж было: единый рассол взбаламучивал сосуд сей. Иоанн Васильевич отрыгнул зело громко. Сотворил крестное знамение. Вдругорядь отрыгнул и постучал жезлом:

— Почто Ивашко-сын не жалуется ко мне? Кликнуть его!

В сенях дробно застучали каблуки кованые трех рынд. Пахнуло негоже: стало, кинувшись творить царский приказ, дверь открыли в собственный государев нужник, мимо коего ни пройти, ни выйти из хором...

Не успел царь порядить осьмое рыгание, царевич тут как тут. Склонился в земном поклоне.

— Здоров буди, сыне. По какой пригоде не видно ты, не слышно?

— Батюшка-царь! Ханского посла угацивал, из Крымской орды прибывого. По твоему царскому велению. Только чудно зело...

— Что ж тебе на смех сдалось?

— У нехрестя-то, царь-государь, башка стрижена.

— Ан брита, царевич,— покачнул головой царь.

— Стрижено, батюшка.

— Не удумывай! Отродясь у татар башки бриты.

— Ан стрижено!

— Брито!

— Стрижено, батюшка, стрижено!

Темная пучина гнева потопила разум царя, застила очи. Кровушка буйно прихлынула к челу, и к вискам, и к потылице... Не учуял царь, как подъял жезлие, как кинул в свою плоть.

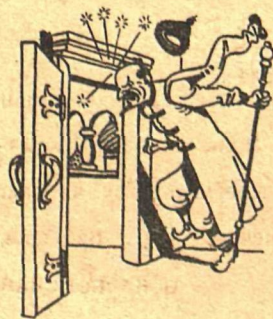
— Потчуйся, сукин сын!.. Брито!..

— Стри... — почал было царевич, да и пал, аки колос созрелый.

А уж стучали кованными каблуками и рынды, и окольные, и спальники, и стольники, и иные царского двора людишки...

Царевич, как лебедь белая, плавал в своей крови...

2. СТИЛИСТЫ

Авторы-стилисты всех исторических лиц списывают с собственной прохладной персоны. Например:

«Встал рано: не спалось. Всю ночь в виске билась жилка. Губы шептали непонятное: «Стрижено—брито, стрижено — брито»...

Ходил по хоромам. У притолок низких дверей забывал нагибаться. Шишку набил. Зван был лекарь-немец, клал примочку.

Зашел в Грановитую палату. Посидел на троне. Примерился, как завтра будет принимать аглицкого посла.

С трона слез. Вздохнул. Велел позвать сына — царевича Ивана.

Где-то за соборами — слышно было — заржала лошадь. Топали рынды, исполняя приказ: вызывали царевича, гукали...

Выглянул в слюдяное оконце: перед дворцом дьяк, не торопясь, тыкал кулаком в рожу мужика. Примерил на киоте: удобно ли так бить, не лучше ли наотмашь?..

Сын вошел встревоженный, как всегда. Как у покойной царицы-матери его, дергалось лицо — тик. А может, так, со страху.

— Где пропадаешь?

Царевич махнул длинным рукавом:

— С татариним договор учиняли...

— С бритым?

— Он, батюшка, стриженный.

Улыбнулся сыновьей наивности:

— Бритый татарин...

— Стриженный.

Отвернулся от скуки.

— Брито.

— Стрижено.

— Брито...

Вяло кинул жезл. Оглянулся нехотя: царевич на полу. Алое пятно. Почему? Пятно растет...

Вот она, та ночная жилка: «стрижено — брито»...

Челядь прибывала. Зевнул. Ушел в терем к царице — к шестой жене».

3. ХАЛТУРЩИКИ

Автора-халтурщика отличает прекрасное знание материала и красота литературного изложения:

«Царь Иван Васильевич выпил полный кафтан пенистого каравая, который ему привез один посол, который хотел получить товар, который царь продавал всегда сам во дворце, который стоял в Кремле, который уже тогда помещался там, на месте, на котором он стоит теперь.

— Эй, человек! — крикнул царь.

— Чего изволите, ваше благородие? — еще из хоромы спросила уборщица, которую царь вызвал из которой.

— Меня кто-нибудь еще спрашивал?

— Суворов дожилается, генерал. Потом Мамай заходил.

— Скажи, пускай завтра приходят. Скажи, царь на совещании в Боярской думе.

Пока уборщица топала, спотыкаясь о пищали, которые громко пищали от этих спотыкновений, царь взялся за трубку старинного резного телефона с двуглавым орлом. Он сказал:

— Боярышня, дайте мне царевича Ивана. Ваня, ты? Дуй ко мне! Живо!

Царевич, одетый в роскошный чепрак и такую же секиру, пришел сейчас же.

— Привет, папочка. Я сейчас с индийским гостем сидел. Занятный такой индеец. Весь в перьях. Он мне подарил свои мокассы и четыре скальпа. Зовут его Монтигомо-Ястребинный Коготь.

— А с татарским послом виделся?

— Это со стриженным? Будьте уверены.

— Он бритый.

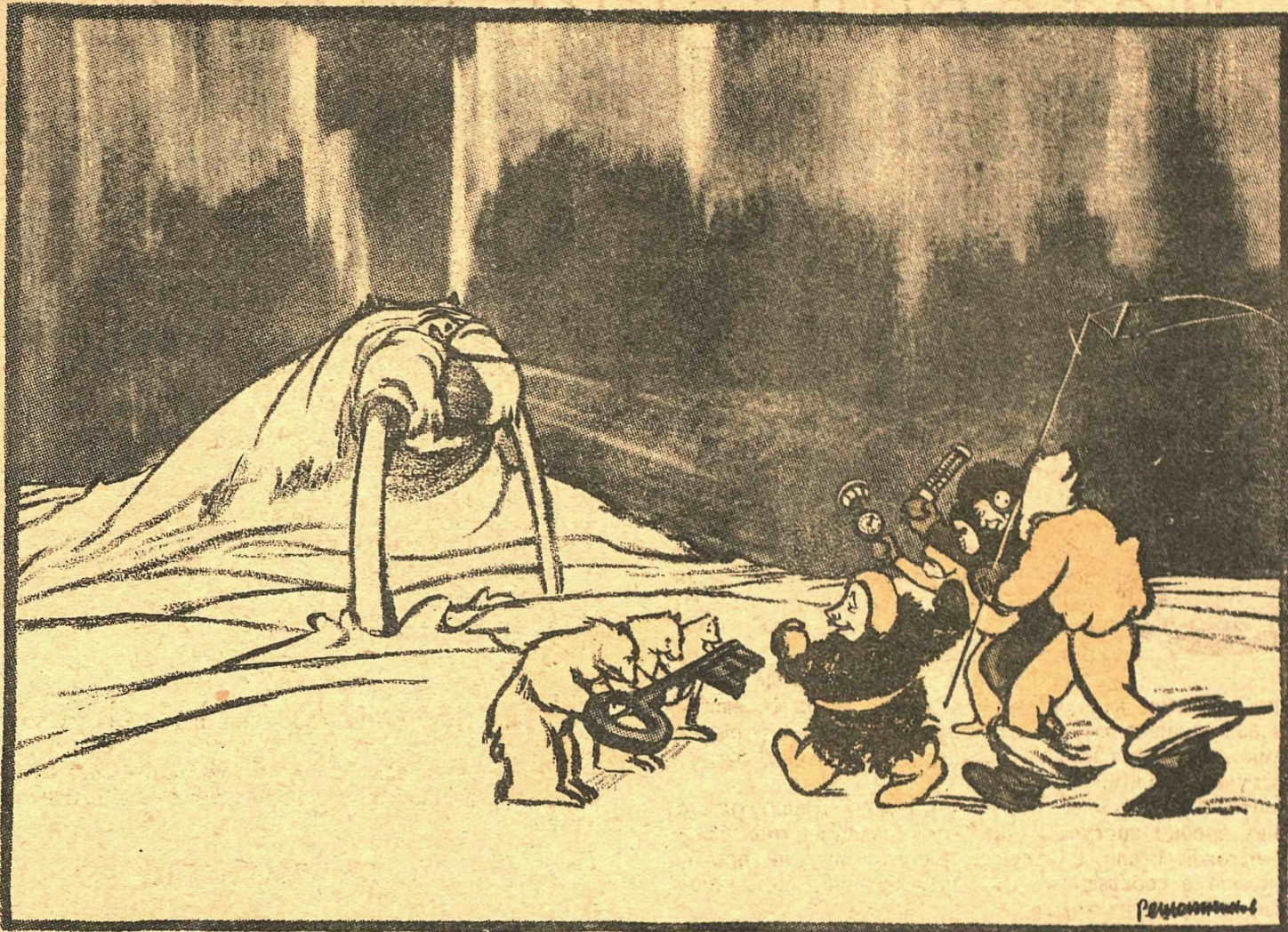
— Стриженный.

— Бритый!..

Царь Иван ударил жезлом царевича, который, падая, задел такой ящик, в который ставят сразу несколько икон, которые изображают разных святых, которых церковь считает праведниками.

Тут прибежали царские стольники, спальники, рукомошники и подстаканники».

В. АРДОВ

Историческое событие в области географии, имевшее место несколько месяцев назад: вручение Папанину ключа от полюса.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ЛЮБИТЕЛЬ СТАРИНЫ

Некто Петя Звонков, молодой человек двенадцати лет, придя домой из школы, перелистывал учебник истории, смотрел на исторические карты и вздыхал.

— Что ты, Петюша? — спросила мать.

— Да... Раньше, поди, лучше жилось... Вон тебе карта какая. Пять, может, всего городов, и ни одного канала. Да по такой карте и я бы «отлично» получил. А то вызовут по географии, от городов этих, от каналов, от залежей да бассейнов в глазах мурашки. И Петя подальше запрятал в ящик дневник.

Т О Ч К А

Тарантасов, председатель районного общества воинствующих безбожников, остановился возле церкви и прислушался, что говорил местный священник. Подняв повыше газету, он читал и общал:

— Вот что говорит о христианстве наша современная дорогая власть... Как видите, статья ответственная! Где это? Ага: «Введение христианства было прогрессом»... Прогрессом было введение христианства, дорогие верующие!.. Сама власть так пишет...

— Не может быть! — сказал Тарантасов.

— Может быть, гражданин Тарантасов... Вот об учебнике истории ответственное постановление. Читайте...

Тарантасов прочитал:

«Введение христианства было прогрессом»...

Дальше глаз Тарантасова наткнулся на желтый ноготь.

— Прогрессом!..

Вечером Тарантасов собрал свой малочисленный актив и каялся: — Плохо мы воюем с попами, ох, плохо!.. И потом — газет мы мало читаем. Сегодня вон поп меня обстрегал. Дал прочитать в газете, что-де введение христианства было прогрессом. Ну прочитал я. Верно. А за поповский ноготь не заглянул. А ведь там точки не было и вот чего стоит: «...прогрессом по сравнению с языческим варварством...» Ох, плохо мы боремся!..

Уборщица тетя Саша, подметавшая в углу комнаты, разогнулась и неожиданно сказала:

— Кто ж тебе виноват?

Но на тетю Сашу зашикали.

В. ТОБОЛЯКОВ

НА ПЕРЕМЕНКЕ

— У тебя бабушка есть?

— Есть. А что?

— Она какая?

— Бабушка? Обыкновенная. Седая такая... Морщины на лице...

— Подумаешь, морщины! А моя — историческая. Она сама трех царей пережила.

— О-о! Каких да каких?

— Александра II, Александра III и Николая II.

— Ого! Ишь ты! Ну, коли так, и я свою спрошу. Она тоже, может быть...

На другой день встретились.

— Ну и что! Моя бабушка тоже историческая. И даже доисторическая! Она Петра I видала!

— Вре-ешь? Позови меня к себе.

— Здравствуйте, бабушка. Вы Петра I видали?

— Обязательно, милый, видала.

— Страшно было?

— Чего ж бояться? Я привычная.

— К царям привычная?

— Нет, милый, к кино. В кино я его видала.

— Бабушка, да разве я вас про кино? Каких вы царей пережили взаправду?

— Николая II, Александра III, Александра II, не тем будь помянуты.

— Ну что, с'ел? Твоя бабушка мою не перегнала. Так на так. Как братья Знаменские...

— Выходит — да... Ну идем во двор, нечего тут... Бабушка, когда чай пить будем, кликни...

В. КАРБОВСКАЯ

ВИКТОРИНА

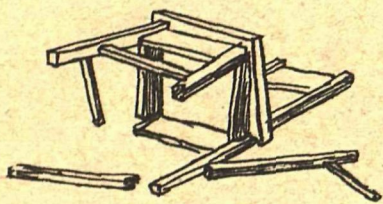
(ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ)

Интересно отметить, что когда произносится какое-нибудь историческое имя, в нашем сознании непременно всплывает что-нибудь очень характерное, связанное с этим именем,— ну там какой-нибудь предмет, образ и так далее.

Одним словом, предлагаем читателю такую историческую игру. Попросим читателя, судя по картинкам, решить, о каких исторических и прославленных именах тут идет речь. Попросим читателя внимательно присмотреться к рисункам, предварительно закрыв текст рукой.

Правильно разгадавший все шесть рисунков может считать себя вполне подкованным по части истории и географии.

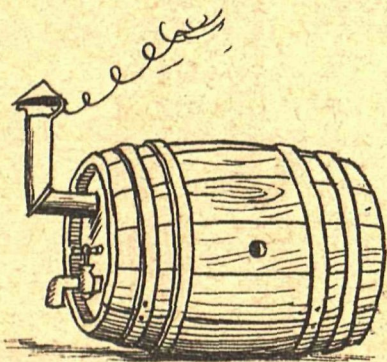
воды. И это научное соображение сыграло почему-то решающую роль в области физики математики и медицины.

Тут, без сомнения, речь идет об Александре Македонском. Вспомним знаменитую фразу: «Александр Македонский был великий человек, но зачем же стулья ломать?»

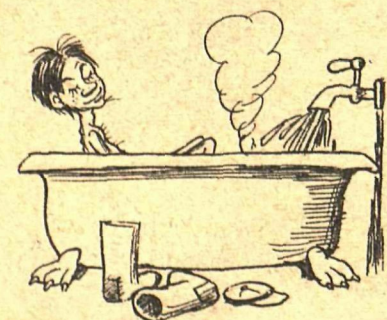
Окончившему семилетку яблоки могут напоминать три знаменитых имени: Ньютона, Вильгельма Теля и Париса. Первый по упавшему яблоку открыл закон всемирного тяготения, второй — швейцарский подданный В. Тель — прострелил яблоко на голове сына, а третий джентльмен, гуляя с тремя девицами, подарил одной из них яблоко

Сей предмет напоминает нам о греческом философе Диогене, который, не имея жилплощади, проживал одно время в бочке, что до некоторой степени переключалось с его философскими воззрениями.

Тут надо присматриваться не к тетке. Тетка может только запутать простодушный ум. Тут надо присматриваться к узлу, который и поможет вывести читателя на правильный путь разгадки. Теткин узел до некоторой степени может напомнить вам знаменитый Гордиев узел и все, что с ним связано.

Нередко, глядя на ванну, мы вспомним о великом ученом Архимеде, который, как известно, севши однажды в ванну, решил немаловажную проблему о вытеснении воды телом. Ученому показалось, что чем крупнее тело, тем оно больше вытесняет

Нарисованный тут предмет, как говорится, в упор стреляет, тем не менее разгадка ускользает от пытливого взора читателя. Здесь вы можете увидеть пирожное «Наполеон», которое при наличии известной доли фантазии может напомнить вам о великом полководце.

„НЕ ИМЕЕТ ПРЯМОГО ОТНОШЕНИЯ“

Шура Никонов сидел на задней парте и, широко расставив локти, склонив голову, вперял внимательный взор в раскрытый учебник географии Иванова. Тут же отметим, что учебник географии выполнял лишь роль дымовой завесы, под прикрытием которой Шура Никонов читал интересную книжку о знаменитом плавании ледокольного парохода «Сибиряков».

«Когда винт был потерян, сибиряковцы не растерялись, — смаковал Шура Никонов вкусные строчки. — Капитан Воронин приказал поднять паруса. Гордо расталкивая льдины, «Сибиряков» самостоятельно вышел на чистые воды Берингова пролива».

«Молодцы! — мысленно похвалил Шура сибиряковцев. — Чуть-чуть было не потерпели аварии».

В ту же минуту авария произошла с самим Шурой Никоновым. Спиридон Спиридонович, преподаватель географии, что-то тихо бубнивший про климат и поверхность Австралии, вдруг грубо нарушил принцип невмешательства в личную жизнь учеников 6-го класса и сказал зловеще:

— А теперь я буду спрашивать. Никонов, иди сюда.

Похолодев, Шура быстро передал «Сибирякова» соседу и вышел на середину класса.

— Ну-с, — сказал Спиридон Спиридонович, — расскажи нам про Азию. Ее величина? Положение? Очертания?.. Ну?.. Не смотри на стенки... Там про Азию ничего не написано.

— Я карту ищу, Спиридон Спиридонович.

— Ты же знаешь, что наша карта в починке. Ты постарайся вообразить перед собою карту.

— Азия — самая огромная часть света...

— Правильно. А какой пролив отделяет ее от Америки?

— Проливной ее отделяет пролив. Самый огромный он, Спиридон Спиридонович.

— Называется как?

— Называется... Американско-азиатским называется.

— Плохо, Шура. Пролив, отделяющий Азию от Америки, называется Беринговым проливом.

Печальное лицо Шуры Никонова озарилось улыбкой:

— Берингов пролив я знаю, Спиридон Спиридонович. Это «Сибиряков» туда вышел на парусах, гордо расталкивая льдины. И «Челюскин» там тоже плавал и «Красин».

— Обожди. Все, что ты говоришь, не имеет прямого отношения к предмету. Отвечай точно на мои вопросы. Назови мне самый северный мыс в Азии.

Шура Никонов подумал и прошептал.

— Самый северный мыс Азии... он будет самый огромный, Спиридон Спиридонович.

— Очень плохо, Шура. Самый северный мыс в Азии называется мыс Челюскин.

— «Челюскина» то я знаю, — снова обрадовался Шура Никонов, — он утонул в Чукотском море. А челюскинцев спасли летчики. Спиридон Спиридонович, я вас давно хотел спросить, почему пароход и мыс называются одинаково. Названий не хватило, что ли?

— Разреши уж сейчас мне тебя спрашивать, — сухо сказал Спиридон Спиридонович. — Какой полуостров на юге Азии доходит почти до экватора?.. Ну?.. Ты карту себе вообрази, карту!

— Я воображаю... Почти до экватора доходит полуостров Макакка. Она самая огромная, эта Макакка, Спиридон Спиридонович.

— Малакка, а не Макакка. Садись, Шура Никонов. Плохо!

...По дороге из школы домой Шура Никонов жаловался своему соседу по парте и закадычному другу Юре Грязнову:

— Не люблю я географию. Скучно! Все надо зубрить. Сплошной ужас!.. Ты про что любишь читать? Я про путешествия. Сейчас я «Сибирякова» кончаю, а потом мне тетка обещала, какого-то Миклуху Маклая принести. Про паузаков. Правда, здорово?.. А еще есть Арсеньева книжка, про уссурийских тигров!.. Вот бы ее достать!

В тот же вечер, Спиридон Спиридонович писал пространную докладную записку о причинах неуспеваемости по географии учеников «вверенного ему класса».

Писал он так же длинно и так же скучно, как и преподавал.

М. ДЕНИСОВ

Здесь изображен исторический научный институт в фашистской Германии. В кресле для клиентов сидит великий немецкий поэт Фридрих Шиллер. Дежурный историк в белом халате размышляет на такую тему: под кого из дельцов „третьей империи“ обкарнать поэта? Сзади ждут своей печальной участи философ Гегель, великий гуманист Ульрих фон Гуттен и философ Кант.

ПО СТРАНИЦАМ ИСТОРИИ

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ВОСТОРГ

Небезызвестный римский император Нерон однажды пригласил на обед знаменитых и прославленных людей.

За обедом Нерон неожиданно рассмеялся.

Один из гостей спросил, почему смеется император.

— Я смеюсь,— ответил Нерон,— потому, что мне пришла в голову одна смешная мысль. Посудите сами: ведь одного кивка моей головы достаточно для того, чтобы вас всех сейчас схватили и повесили.

Гости фальшиво рассмеялись.

НЕЧУТКО ПОСТУПИЛИ

Римский папа, поссорившись с германским императором Генрихом VII, решил убрать его со своего святого пути.

Однако подосланные убийцы никак не могли выполнить данного поручения.

Генрих VII был весьма осторожный господин: он выезжал с большой охраной и, прежде чем отвесть пищу, давал ее на пробу поварам и придворным.

Но церковники все-таки достигли своей заветной цели. В причастие был подсыпан яд. И злосчастный Генрих VII, явившись в церковь с христианскими намерениями причаститься, был тотчас отравлен.

ДОСТОЙНЫЙ ОТВЕТ

Весьма злобный прусский король Фридрих II, желая унижить знаменитого медика того времени Циммермана, спросил его в присутствии придворного общества:

— Ответьте мне, лекарь, много ли вы отправили на тот свет людей?

Циммерман, поклонившись, ответил:

— Во много раз меньше чем вы, ваше величество. И с меньшей для себя славой.

НАРОД, НЕУДОБНЫЙ ДЛЯ КОРОЛЕЙ

Маршал Лефевр сказал Жозефу Бонапарту, когда тот стал королем Испании: «Знаете, что нужно сделать, чтобы навести порядок в вашем королевстве и установить там полное спокойствие? Пошлите вы ко всем дьяволам ваших испанцев и замените их нашими добрыми эльзасцами. Мои земляки — эльзасцы — порядочные люди. Они небогаты. Вы устройте их судьбу, и они всю жизнь будут вам признательны. Тогда стоит сделаться королем Испании».

ПОПОВСКИЕ МАХИНАЦИИ

Католическая церковь считала наиболее тяжким грехом убийство.

И в силу этого на смертных приговорах, которые проходили через руки церковников, ставилась нижеследующая ханжеская резолюция: «Наказать с возможной мягкостью и без пролития крови».

И эта фраза на судебном языке обозначала: приговорить к сожжению.

Перед пыткой церковники давали обвиняемому на подпись следующую бумагу: «Я, нижеподписавшийся, в случае увечья или членовредительства считаю виновным единственно самого себя, поскольку я вовремя не признался в тяжких преступлениях».

САМЫЕ МУЧИТЕЛЬНЫЕ РАНЫ

Суворов уверял, что у него семь ран: две, полученные на войне, а пять — при дворе, и эти последние, по его словам, были гораздо мучительнее первых.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

ДОБРУ И ЗЛУ ВНИМАЯ РАВНОДУШНО

Старый летописец Пимен из «Бориса Годунова», оказывается, жив, здоров и работает в киевской газете «Коммунист». Это он, наверное, отредактировал заметку «Коли захворіла Жильда», опубликованную в номере «Коммуниста» от 17 сентября 1937 года.

Заметку «не мудрствуя лукаво» сочинил шофер начальника Киевского областного управления легкой промышленности Шелестуна — тов. Нарышкин. Он поделился с читателями «Коммуниста» некоторыми подробностями личного быта своего начальника.

Оказывается, у начальника Шелестуна есть собака Жильда. Каждый день шофер на казенной машине возит для Жильды обед из столовой. Обед для собаки он возит в особом «гличике», орудуя рулем с помощью одной руки, ибо вторая занята этим самым жильдиным гличиком. Недавно, представьте себе, Жильда болела и шоферу пришлось совсем туго: бензину сколько ушло на жильдину хворобу, так это ни в сказке сказать, ни пером описать! А еще любит, оказывается, Шелестун ездить на казенной машине на рынок вместе с женой. Жена идет по рядам и торгуется с молочницами, а шофер едет следом. А еще — это читатель узнает уже из пост скриптума — Шелестун, возвращаясь в выходной день с загородной прогулки, сам сел за руль и «вступил в единоборство с деревьями». Машина разбита и искалечена.

Со дня опубликования этой заметки прошло уже много времени, но читатели «Коммуниста» до сих пор не знают, что стало с морально разложившимся хозяином Жильды. Газетный Пимен тиснул письмо шофера и забыл про него.

Ведь вы же, надеюсь, не «дьяки поседелые в приказах», товарищи из «Коммуниста»!

НЕСУЩЕСТВУЮЩИЙ ОСТРОВ

Географам и исследователям известны такие случаи, когда означенный на карте остров оказывается несуществующим. Стносясь к этому географы снисходительно. Еще бы: неточность карт обусловливается тем, что шар земной велик и не все еще разведано. Но в областном коммунальном хозяйстве вряд ли можно поощрять подобные исчезновения точек и единиц.

Говорим это потому, что нас крайне огорчает история возникновения и утраты бани в станице Зеленчукской, Карачаевской автономной области. Было это так. Нам прислали письмо о том, что в станице Зеленчукской переведено на консервацию строительство новой обширной бани. Таким образом, с точки зрения действующих предприятий, бани как бы не существует.

Мы послали запрос в Зеленчукский рик. Рик бодрым тоном сообщил, что баня строится полным ходом.

Тогда наш корреспондент прислал ряд справок, из которых видно, что строительство бани законсервировано, что Зеленчукский рик, мягко выражаясь, вводит нас в заблуждение и что на карте коммунального строительства не существует приятного острова под названием «Зеленчукская баня».

Давайте, товарищи, скорее восстановим этот остров.

ТОЖЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ

Шум, крик, пыль столбом. Грузчики грузят на подводы столы и шкафы Токмакской (Киргизская ССР) малярной станции. Станция переезжает из дома номер сорок два по Крестьянской улице в дом номер шестьдесят пять по улице Горького.

У дома номер шестьдесят пять по улице Горького та же картина: шум крик, пыль столбом. Нарсуд второго участка города Токмака переезжает на Базарную улицу, в дом номер двенадцать. Что случилось? Почему такой переполох? Нельзя ли всем спокойно остаться на своих насиженных местах?

Нельзя! Церковники сдали токмакскому горсовету помещение бывшей церкви «ввиду несостоятельности произвести ремонт», как сказано в протоколе, а добрые, отзывчивые члены президиума горсовета Мураталиев, Ларин и Михалевич услужливо предоставили попам помещение Малярной станции. Здесь, батюшки, вам будет удобно молиться. Помещеньице небольшое, на ремонт тратиться особенно не придется.

Чтобы угодить попам, токмакские «отцы города» затеяли сложное переселение советских учреждений. Жители Токмака даже слегка завидуют попам.

— Нас бы так же чутко обслуживали, как попов,— говорят они и почему-то вздыхают...

Вышеописанное событие воистину историческое. Ибо где еще на обширной советской земле можно встретить столь активное проявление чуткой заботы о попах? Поздравляем токмакских горсоветчиков: они, как говорится, влипли в историю.

Рис. Л. Генча

— В этом месте Мамай перешел реку ночью.
— И как он ухитрился? Ведь тут и днем можно ногу сломать.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Шлю тебе привет из Свердловска и сообщаю, что у нас, в секции географов, попрежнему все тихо и спокойно. Новостей никаких нет. 16 сентября состоялось заседание, на которое из 35 членов секции явилось 6. Передовая «Правды» «Отлично знать географию» не обсуждалась. Докладчик хотел познакомить нас со своими мыслями о политическом воспитании на уроках географии, но не успел, потому что торопился в кино смотреть «Петра I». Кроме того много времени у него ушло на извинения: он извинялся перед нами, что не сумел проработать как следует тему.

Если бы ты знал, дорогой Крокодил, как нам, свердловским географам, надоело наши секционные тишина и спокойствие!..

Н. НЕЛЮБИН,
преподаватель географии
Свердловск.

Дорогой Крокодил!

Целый месяц у нас в школе идут занятия, а преподавателя истории нет как нет. Что нам делать? Нам так хочется изучать историю своей родины, что мы даже готовы всей школой ездить в Москву на урок истории, боимся только, что тогда не останется времени для других предметов. Похлопочи лучше ты, дорогой Крокодил, на счет преподавателя истории

для нашей школы. Очень тебя просим.

ПИЧУГИН НИКОЛАЙ,
ученик 8-го класса

с. Петровское,
Новопетровского р-на,
Московской области.

Дорогой Крокодил!

В пятом номере журнала «Октябрь» я прочел отрывок из поэмы П. Железнова «Память Маяковского», начинающийся следующими стихами:

«Ни смысла не было, ни цели
Кончат с собою главарю
В день лжи, в день первого апреля
По старому календарю».

Позволь мне в связи с этим четверостишием задать несколько вопросов заведующему отделом поэ-

зии журнала «Октябрь» поэту Николаю Асееву:

а) Следует ли понимать слова поэта Железнова так, что ни смысла, ни цели он не находит в самоубийстве только в день первого апреля по старому календарю?

б) Распространяется ли его отрицательное отношение и к самоубийствам, совершающимся в день первого апреля по новому стилю и во все остальные дни года?

в) Неужели квалифицированный поэт Асеев не понимает, что нет ни смысла, ни цели печатать безграмотные стишки, тем более посвященные памяти великого поэта.

И. САМАРКИН

г. Сочи.

20
Коллекция
Кукрыниксы
22 ОКТ 1937
Всес. Н. Палац. Перуцкіны

31
АРХИВ

КУКРЫНИКСЫ-37.

--- С таким седоком я нескоро попаду в историю!

1852